

Глава 129. Черета времён года

Ближе к вечеру заклинатели, всё ещё остававшиеся в области Цянькунь, получили от Фу Линцзюня ещё один приказ.

Пользуясь тем, что огонь жизни всех присутствующих был у него в руках, он велел всем заклинателям в области Цянькунь искать кость, окутанную струящимся сиянием.

— Я же говорил, он и дальше будет шантажировать нас огнём жизни и заставлять работать! — кое-кто из заклинателей был этим крайне недоволен и даже демонстративно откинулся назад. — Одно дело за другим. Он что, вошёл во вкус — командовать нами?

— ...И ты всё равно пойдёшь? — его спутник уже собирался выйти. Всё-таки перед Фу Линцзюнем страх у него был куда сильнее раздражения.

Тот заклинатель, который только что возмущался, тут же умолк.

Как бы ему ни хотелось отказаться, послушаться он всё равно не посмел. Пришлось страдальчески подняться и пойти искать вместе с товарищем.

Кость, окутанная струящимся сиянием... звучало это, надо признать, чересчур туманно.

Многие решили, что речь идёт о драгоценном камне. Всё-таки как ни крути, кость не может быть такой переливчатой и сияющей.

Кроме госпожи Хэ.

Постепенно приходя в себя после того, как власть Цзян Чаньюаня над ней рассеялась, она к тому же узнала от главы рода Хэ всю правду о случившемся.

В день, когда Цзян Чаньюань обезумел, глава рода Хэ тоже отдал свой огонь жизни Фу Линцзюню. А искать кость судьбы до сих пор не пошёл лишь потому, что хотел дожидаться, пока госпожа Хэ очнётся, всё ей объяснить и только потом отправиться. Он боялся, что, проснувшись одна перед лицом всей этой беды, она почувствует себя совершенно беспомощной.

— Он... он не говорил, какого размера эта кость? — выслушав всё до конца, госпожа Хэ не удержалась и задала этот вопрос.

Глава рода Хэ с убитым видом ответил:

— Сказал, что совсем небольшая, примерно с палец взрослого человека.

Выражение лица у госпожи Хэ стало очень неловким.

Она знала, что Хэ Сюаньцин уже умер. Умер окончательно и бесповоротно. Даже если теперь вернуть роду Сун кость судьбы благого зверя, его всё равно уже не спасти.

Но если Фу Линцзюнь ищет именно эту кость, она знала, где та находится.

Она была внутри Хэ Сюаньцина.

— Где сейчас... тело Наньэра? — спросила она.

Фу Линцзюнь и представить себе не мог, что когда-то был настолько близко к кости судьбы.

Когда госпожа Хэ очнулась, она почти без колебаний сама вырезала кость судьбы из тела Хэ Сюаньцина и велела главе рода Хэ лично отвезти её в секту Хуаньюнь.

Когда Цзян Тан глотал пилюлю Небесного Восполнения, он спал. Когда кость судьбы вернулась в его тело, он всё так же спал.

Он даже не знал, что однажды стоял на краю смерти. Ему лишь казалось, что он стал слишком уж легко засыпать. Иногда он ненадолго приходил в себя, но сознания не хватало, чтобы удержать всё тело, и очень скоро он снова проваливался в сон.

Фу Линцзюнь своими глазами видел, как Му Фаньюань возвращал кость судьбы в тело Цзян Тана.

И всё же спящий маленький зверёк так и не проснулся.

— Ты что, сомневаешься в моём мастерстве? — Му Фаньюань недоверчиво уставился на Фу Линцзюня. — Раз я говорю, что он жив, значит, он жив. То, что он не просыпается, не связано с телом. Просто его душа по какой-то причине истощилась слишком сильно. Когда он восстановит силу души, тогда и очнётся.

Мир зеркальных цветов и водяной луны мог удерживать даже заклинателей с могучей душой, а Цзян Тан, обладая душой обычного смертного, силой ворвался туда. По дороге он ещё и съел столько ядовитых трав, что едва не отравил себя насмерть прямо во сне, так что душа его ослабла слишком сильно.

Духовную силу ещё можно было восполнить извне.

А вот силу души оставалось лишь понемногу возвращать заново.

Всего этого Цзян Тан не знал.

Большую часть времени он спал. Иногда просыпался ненадолго, и каждый раз великий босс был рядом. Из-за этого у него возникло ложное чувство, будто спал он вовсе не так уж долго.

Если считать, что один сон и одно пробуждение — это один день, тогда он проспал всего три дня.

Но на самом деле один его сон длился не день, а целый год.

В то долгое время, пока он мирно спал, Фу Линцзюнь бесцельно носил его с собой по свету.

Когда-то, став человеком, Цзян Тан мечтал исходить вдоль и поперёк все горы и реки, но и подумать не мог, что, пока будет спать, значительная часть этой мечты исполнится сама собой.

В прошлый раз, когда он просыпался, он слышал ветер над пустошью и стук самого близкого сердца, бывшего у груди Фу Линцзюня. А в следующий раз, когда очнулся, вокруг уже шумели людские голоса, густые и оживлённые.

Они снова вернулись в область Цянькунь.

За три года область Цянькунь под рукой Янь Цунси преобразилась до неузнаваемости.

Сгоревшие в той великой битве павильоны и разбитые длинные улицы были отстроены так, будто ничего и не случилось. Даже лотки по обеим сторонам улицы, где продавали кисти для вееров и подвески, ароматные мешочки, пирожные и духовные плоды, духовные артефакты и пилюли, материалы с тел чудовищных зверей и прочую всячину, снова появились на своих местах.

Фу Линцзюнь, прижимая к груди крепко спящего маленького белого пёсика и скрываясь под ничем не примечательным лицом Линь Шэна, прошёл мимо одного знакомого места за другим, пока не уловил аромат мяса, разносящийся на десять ли. Сам не понимая почему, он повернул в ту сторону.

Запах был знакомым. И хозяин лотка — тоже привычно радушным.

— Э? Друг-даос, давненько не виделись! — хозяин, у которого, как и прежде, торговля шла бойко, только что дочиста вытер жирные пятна со стола, поднял голову и тут же увидел до боли знакомое лицо. Он узнал Фу Линцзюня, заглянул ему в руки и очень приветливо спросил: — Один?

Фу Линцзюнь, всё так же держа Цзян Тана на руках, сел за стол.

— Угу.

— Что будете заказывать, друг-даос?

Фу Линцзюню пища была не нужна. Но, вернувшись в знакомое место и снова уловив этот запах, он внезапно вспомнил, как у Цзян Тана от жадного предвкушения едва не текли слюнки.

— Жареную ледянооковую змею, жаркое из кусочков Серебrolунного Кролика, курицу, запечённую с травой туманной нити, и вонтоны в чистом бульоне.

Он даже не взглянул на целую россыпь деревянных табличек, висящих на лотке, а сразу назвал четыре блюда, которые любил Цзян Тан.

— Идёт! — хозяин звучно крикнул, развёл огонь, плеснул масла, бросил в него приправы, и те, перекатываясь в раскалённом масле, ударили ароматом. Затем туда же разом пошли ингредиенты, и он ловко задвигал лопаткой, быстро всё обжаривая.

Аромат разнёсся волнами и привлёк немало проходивших мимо заклинателей. Гости начали стекаться один за другим.

За соседний столик сели трое молодых людей, с виду немного скованных. По всему было видно, что к области Цянькунь они ещё не привыкли: и когда заказывали еду, и когда оглядывались по сторонам, в глазах у них мелькало любопытство.

— Брат Чжоу, у тебя сегодня опять волосы набок съехали? — один из друзей, сидевших с ним за одним столом, увидел, что причёсан тот весьма небрежно, и не удержался от смешка.

На лице молодого заклинателя по фамилии Чжоу мелькнула неловкая улыбка. Он потрогал криво собранный пучок и смущённо отвёл глаза.

— На такую причёску только и глянешь — сразу ясно, что это работа младшей невестки Чжоу, — другой человек выпил чашку бесплатного чая и безжалостно расхохотался. — С тех пор как брат Чжоу обрёл спутницу Дао, ни одного дня с аккуратно уложенными волосами у него не было.

— Ха-ха-ха-ха, да раньше, когда он сам себе волосы зачёсывал, и то ровнее выходило.

Заклинатель по фамилии Чжоу, хоть его и дразнили наперебой, вовсе не рассердился и даже сам стал смеяться вместе с ними.

Столики стояли совсем близко, и потому Фу Линцзюнь довольно долго смотрел на его явно растрёпанные волосы. Лишь когда все блюда уже принесли, он наконец отвёл взгляд.

Он до сих пор помнил, как юноша поднёс ему палочками кусочек кролика, густо покрытый соусом. А вот вкус того блюда он уже забыл.

Фу Линцзюнь вытянул из бамбукового стаканчика пару палочек и попробовал по очереди все четыре блюда.

Цзян Тан любил еду с более ярким вкусом. Сам Фу Линцзюнь обычно вовсе не ел, а если и ел, то предпочитал что-то более лёгкое, так что эти блюда ему по-настоящему не понравились.

Радужный хозяин запомнил Фу Линцзюня именно потому, что тот прежде никогда не ел. Увидев, что в этот раз он наконец попробовал еду, хозяин с улыбкой спросил:

— Ну как, друг-даос?

Фу Линцзюнь на миг задумался.

— Вкусно, — ответил он.

Он всё никак не мог понять, почему страсть Цзян Тана к еде была такой сильной. Лишь сегодня начал понимать хотя бы немного.

Поев, он оставил духовные камни и ушёл.

К тому времени уже почти стемнело, и на маленьких лотках повсюду зажглись фонари.

Рядом с лотком, где продавали пирожные, как раз стоял прилавок с цветочными шпильками, кисточками, ароматными мешочками и украшениями.

Торговка украшениями вынесла и подвесила кругленький пухлый фонарь.

Он был оклеен тонкой рисовой бумагой. На ней волчьей кистью были выведены ветви с пышными персиковыми цветами, а под цветами лежали два круглых белых кроличьих комочка — мягкие, пухлые, снежные, совсем как тёплый пушистый комочек у него на руках.

— Давай купим два одинаковых узла! — с другой стороны улицы как раз подошли мужчина и женщина. Красивая заклинательница потянула спутника за рукав и потрясла его. — Я слышала, у них здесь эти парные узлы продаются лучше всего! Стоит только повязать их с любимым человеком, и вы будете вместе не только в этой жизни, но и в следующей!

Женщина явно загорелась этой мыслью, а вот стоявший рядом мужчина выглядел не слишком воодушевлённым. Он несколько раз посмотрел на два узла, казавшиеся самыми обыкновенными, и сказал:

— Это же всего лишь безделушка, в которую верят смертные. Почему ты вообще веришь в такое?

Увидев, как девушка нахмурилась и уже собирается возразить, мужчина очень серьёзно поспешил добавить:

— Да разве перерождение устроено так удобно? Чтобы можно было просто завязать парный узел — и в следующей жизни снова встретить именно того человека? Все эти вещицы смертные придумали лишь затем, чтобы утешать себя. Зачем нам принимать это всерьёз?

Он-то хотел сказать лишь одно: они ведь оба заклинатели, так что вместо того, чтобы верить в такое смутное понятие, как перерождение, лучше как следует совершенствоваться и самим быть рядом тысячу и десять тысяч лет.

Но девушка, выслушав его, слегка рассердилась. Уперев руки в бока, она задрала голову и посмотрела на своего возлюбленного:

— То есть ты просто не хочешь носить его вместе со мной? Ну и не надо! Не хочешь покупать — и не нужно, я с тобой тоже брать не стану!

Сказав это, она развернулась и ушла.

— Я не это имел в виду... — увидев, что она и правда уходит, мужчина поспешно купил у торговки два узла и кинулся за ней. В шуме ночного рынка ещё долго можно было слышать, как он вполголоса её уговаривает.

Фу Линцзюнь будто и не видел этой самой обычной на свете ссоры между спутниками Дао. Он всё это время смотрел только на подвешенный фонарь.

За лотком стояла молодая красивая заклинательница. Она заметила, что Фу Линцзюнь уже долго смотрит на её фонарь, но так и не могла понять, собирается он что-нибудь покупать или нет. В конце концов она сама заговорила:

— Гунцзы, не хотите ли купить украшение для любимого человека?

Если он и правда ничего не собирался брать, то просто стоять здесь таким высоким столбом не слишком-то помогало её торговле.

Взгляд Фу Линцзюня скользнул с фонаря на множество мелких вещей, аккуратно разложенных на прилавке.

На место только что проданной пары узлов уже очень быстро положили новую.

Глядя на эти два узла, он будто о чём-то задумался, а затем достал из жемчужины-нахай духовный камень среднего ранга и положил его рядом.

У торговки тут же загорелись глаза.

Таких щедрых покупателей ей давно не попадалось, и, опасаясь, как бы Фу Линцзюнь не ушёл, она быстрым цепким взглядом несколько раз оценила его с головы до ног, а потом уставилась на причёску.

Во всём его облике чувствовалась благородная роскошь, и только одна шпилька в волосах казалась простой до крайности — да ещё и была целиком деревянной.

— Друг-даос, не хотите ли купить новую шпильку?

Она с жаром выложила перед ним все самые дорогие шпильки, какие у неё были:

— Только посмотрите на эти две. Видите, какой чистый у них цвет? Это ведь редкий товар с Северного Водного континента. У меня остались только эти последние две!

Взгляд Фу Линцзюня скользнул по двум нефритовым шпилькам с мягким прозрачным блеском.

— Не нужно, — сказал он, взял парные узлы и повернулся к людскому потоку.

Один он повязал себе на пояс, а другой — на пушистую лапку Цзян Тана.

<http://bllate.org/book/17032/1723217>